

№ 1

СМЕХАЧ

ФЕВРАЛЬ 1924 Москва, Солянка, 12. Дворец Труда „Гудок“ ЦЕНА 25 КОП.

Рис. М. Черемных

Мы, Пролетарии, на гроб вождя Советов
Свой самый лучший дар кладем, взамен венка.
Дадим мы РКП сто тысяч партбилетов,
Сто тысяч в РКП—рабочих от станка!

Рис В. Хвостенко



ДОМ В ГОРКАХ

В тот вечер на земле тоска лежала лежнем.
Сам ветер вдруг застыл — и потерял слова.
В неистовой тоске покрылась пеплом снежным
Земли могучая седая голова.
Потухло небо. Ночь задула звезды в гневе
И чуткой тишиной у дома улеглась.
А к дому подошли густой толпой деревья,
Заглядывая в глубь оконных темных глаз.
Не отозвался дом. Не слышал утешенья,
Не слышал нежных слов оснеженных ветвей.

Молчал. И смолкло все. Застыло без движенья.
Тиха, безмолвна скорбь в бескрайности своей...
Чу!.. Гром иль музыка?.. Ворвался голос вешний,
Вдруг сразу ожил дом и грянули слова
И, вздрогнув, поднялась, тряхнула пепел снежный
Земли могучая седая голова.
Он!.. Голос Ленина!..Грохочет гимном стали:
— Восстань, рабочий класс! Освободи рабов! —
И с Ильичем слились в „Интернационале“
И дом и лес и ночь и день, и мир миров.

А. Безыменский

В БОЙ!

Итак—
Мы признаны.
Советская земля
Сегодня—шутка ли!—заметна стала в свете.
Ах, ах! Правительство
Еще живого короля
Ее изволило заметить.
Советский гражданин! Еще вчера ты был
Несуществующим, невидимым, безвестным.
А ныне—ожил вдруг и тело получил.
Гордись самим собой! Гордись! Какая честь нам!
Ну что же, Англия? Забудем все счета.
Забудем, что у нас сочится хлебом тельце,
Не будем синяков и ран твоих считать
От... от... невидимых штыков красноармейцев.

А мы—
Мы видели.
Мы видели шесть лет
Как, голод и мороз, и фронт, и тиф изведав,
Шеренги труб сомкнув, сквозь горы грозных бед
К Коммуне мировой идет страна Советов.
Вот-вот они, шесть лет, прошедшие в борьбе,
Что бросили врагов пред нами на колени!
И вот он, вот он вождь—стальная РКП,
В которой воплощен неумиравший Ленин!
Но—
Надобно следить за кладкой кирпича,
Следить и за врагом, что хочет дом сломать нам.
Мы видим! Мы следим!
Под знаком Ильича
Мы двинулись вперед—и не пойдем обратно!

Тысячи врагов
Кругом.
Сотни воров
Норовят в дом.
Мы
Сильны.
Бой нужен!
Вооружены
Своим оружьем.
Против врагов на цепи и на троне
Против домашних и лезущих—всех! —
Наши штыки—ирония,
А батареи—смех.
Мы беспощадны в нашей борьбе.
Не отгрохочут наши мортиры!
Каждый наш враг
Попробует на себе
Ядра нашей сатиры.
Будем мы штопать сотни прорех.
Не отыскать защищающей брони,
Если штыки—ирония,
А батареи—смех.

Пусть застучат в ответ мечи,
Забрешет враг бессильным лаем,
На битву вышли смехачи
С железным лозунгом „стреляем!"
Им сразу, за кольцом врагов,
Рабочее ответит эхо...
Так пусть вонзится сталь штыков
И грянут батареи смеха!

ПОДАРОК ЮЗУ

Рис. Б. А



Наш проект Статуи Свободы. Мы скромно полагаем, что к этому проекту присоединится весь мыслящий пролетариат Америки.

Рис. И. Малютина

„ГОРЬКИЙ БЫТ“



— Ну, теперь комар носу не подточит. Приказали неграмотность ликвидировать, мы и ликвидируем. Избу нашли? Нашли. Скамейки расставили? Расставили. Молебен отслужили? Отслужили. Теперь вот только и осталось: желающих учиться найти.

ЛЕНИН и ПОШЛЯКИ

В наши дни борьба с пошлостью считается занятием явно безнадежным и едва ли не самым пошлым.

Но пусть не в порядке борьбы. Пусть—только в порядке регистрации.

Вы знаете, кто первый известил мир о смерти Ленина?

Развернув газеты от 24-го января, пробежав уже читанные в бюллетенях сообщения от правительства, ЦК РКП, ЦИК'а, Коминтерна, ВЦСПС, я сейчас же наткнулся на не менее официальное уведомление о смерти Владимира Ильича.

Вы думаете от Центросоюза? От Свердловского университета? От Социалистической академии?

Нет. Вот, читайте:

> **Комитет торговцев Ананьевского рынка**
>
> в экстренном заседании 23 января с. г. в 10 ч. утра, заслушав горестное сообщение о внезапной смерти
>
> **ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА УЛЬЯНОВА (ЛЕНИНА),**
>
> горячо оплакивает преждевременную кончину незабвенного вождя трудящихся всего мира и постановил В ДЕНЬ ПОХОРОН ТОРГОВЛИ НА РЫНКЕ НЕ ПРОИЗВОДИТЬ.
>
> Председатель Комитета торговцев *Л. Хапман.*

Это очень мило—торговли не производить. Это большая жертва со стороны Хапмана и его коллег—не торговать в день похорон Ленина. Умаляется она, правда, тем, что Московский Совет и без того запретил по всей Москве торговлю в этот день. Но в суматохе—кто заметит. Все умилятся скорби торговцев Ананьевского рынка и готовностью положить „животы на алтарь отечества“. В затруднительных случаях русские купцы издревле полагают на воображаемый алтарь именно эту часть своего тела.—очевидно, в виду подозрительного характера ее накопления.

В газетах было еще и о том, что торговцы предложили на собранные ими деньги преподнести венок, но им было предложено использовать средства каким-нибудь иным способом.

Хорошо бы в виде взноса в ГПУ,—этим жертвователи наиболее подчеркнули бы искренность своих слез.

Посетителям Московского Камерного Театра раздается афишка. В ней напечатаны три сообщения, все вместе обведенные траурной рамкой.

1) От Советского правительства. 2) От Московского Совета. 3) От Московского Камерного Театра.

В первых двух обращениях сообщается о смерти В. И. Ленина. В третьем—о том, что „Жирофле-Жирофля“ и „Саломея“ переносятся на четверг и пятницу.

Если познакомить дирекцию М. К. Т. с комитетом Ананьевского рынка, то изысканная дирекция, изучавшая тонкость манер и такт за границей, наверно отвернется от пропахших селедкой невежественных рыночных коммерсантов:

— Фи, Хапман!

В дни ленинского траура я смотрел,—нет ли в газетах стихов лучших наших поэтов.

Я не нашел ни Демьяна Бедного, ни Маяковского. Им было тяжело писать. Они не могли сразу найти нужных слов и уложить их в рифмованные строки.

С превеликим трудом я узнал, разыскал Асеева, Безыменского, Лелевича. Они скрыли свои имена, спрятались, подписали стихи безличным сочетанием букв:

МАПП—Московская ассоцация пролетарских писателей.

Зато на видном месте я прочел бойкие стихи, четко подписанные: Татьяна Майская.

Это было ровно в четыре.
Гудки. И Вечность отметила день.
Стонали заводские лиры,
Провожая героя под сень.

Размножимте ж красные станы
Безмолвно у вечной квартиры.
Радио-мысль об'яла все страны.
То было сегодня в четыре.

Это не пародия. И лиры, и сень, и квартиры, и Вечность с большой буквы—все это по случаю смерти Ленина напечатано черным по белому в газете. Только не скажу, в какой.

Граждане, если вы взаправду уважаете и любите Ленина, попробуйте—тихо.

Если нечего сказать—молча. Если нечего делать—не делайте пошлостей.

Вас за это поблагодарят окружающие.

Мих. Кольцов

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА



Макдональд. — Ну, вот, и признали—в три счета: раз, два, три...

Рыков. — Даже странно. Мы опасались, что вы на двух с половиной застрянете.

УХ и ВЕСЕЛО!

О скуке на этом свете
Гоголь говаривал много.
Много он понимает,
Этот самый ваш Гоголь!

В СССР, от веселости,
Стонут целые губернии и волости.
Например, со смеха слезы потоком
На крохотном перегоне от Киева до
Конотопа.
Свечи кажут язычьи кончики.
11 ночи. Сидим в вагончике.
Разговор перекидывается сам
От бандитов к Брынским лесам.

Остановят поезд. Минута паники,
И мчи в Москву, укутавшись в подштанники.
Осоловели, поезд темный и душный,
И легли, попрятав червонцы в отдушины.

---

4 утра. Скок со всех ног.
Стук со всех рук:
„Вставай!
Открывай двери!

Чай, не зимняя спячка!
Не медведи-звери!“
Где то с перепугу загрохотал наган,
У кого-то в плевательнице застряла нога.

В двери новый стук раздраженный.
Заплакали разбуженные дети и жены.
Будь что будет!
Жизнь на ниточке.

Снимаю цепочку и вот...
Ласковый голос:
„Купите открыточки,
Пожертвуйте на воздушный флот!“

Сон еще не сошел с сонных,
Ищут радостно карманы в кальсонах.
Чорта вытащишь из голой ляжки?!
Наконец, разыскали копеечные бумажки.

Утро, вдали петухи пропели...
— Через сколько лет он соберет на
пропеллер?
Спрашиваю, под плед засовывая руки:
— Товарищ сборщик, есть у вас внуки?
— Есть, — говорит.
— Так скажите и внучке,
Чтоб с тех собирала,
На ком брючки.
А этаким способом
Через тысячную ночку
Соберете, разве что на очки летчику.

Наконец, задыхаясь от смеха,
Поезд взял и дальше поехал.
— К чему спать?—
Позевывает пассажир,—
Сны эти только нагоняют жир.

Человеческим происхождением гордятся
простофили.
А я сожалею,
Что я не филин.
Как филинам полагается,
Не предаваясь сну,
Ждал бы сборщиков,
Взлезши на сосну.

В. Маяковский

18/I Киев—Москва.

КОРОЛЕВСКОЕ РАБОЧЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Вы говорите: „между двумя стульями“,—но, знаете, стулья стульям рознь. Ведь, вот сидели же господа двухсполовинные,- и среди них мистер Макдональд, мистер Сноуден и К°,—между Коминтерном и Вторым—и ничего, сидели-посиживали даже очень удобно... Другое дело, когда один из стульев—трон его величества короля Великобритании, Шотландии и Ирландии, императора Индии, повелителя Египта и прочая, и прочая, и прочая, а другой—стул, простой табурет рабочий; между троном и табуретом усидеть—тут уже такая ... нужна, такая ...! Может-быть, именно этим и об'ясняется столь великое множество ... в составе нового английского правительства...

В сущности, Макдональд—случайный премьер, не настоящий. По совести, премьером должен был бы быть Артур Гендерсон. Артур—к королю ближе, во время войны был министром в кабинете Ллойд-Джорджа—без портфеля (не могли разориться ему на портфель!), он—государственный человек, исторический, как говорится, человек,—сколько раз в разных историях бывал!.. Но—такова уж воля старушки-истории: как-раз Гендерсон ни на прошлых выборах, ни на этих в парламент не попал... Ведь, выборы в парламент—лотерея,—и все это „рабочее правительство“—дело, в конце-концов, лотерейное. Сегодня ты, а завтра я. Сегодня выиграли, завтра сядут...

Где-то они сядут?!.

Этот последний вопрос обращен к вам, товарищи из „треугольника“. Вы знаете хорошо: сидели, сидели между двумя стульями,—и вдруг—бац!—сели в...

Впрочем, Англия—страна морская,—поплывут. Всякое там плывет...

Некоторые из господ министров лично—и даже очень хорошо—пишущему эти строки знакомы. Как же! Как же! Даже ручку имел честь пожимать, и о разных делах беседовали...

Первое время, когда познакомился я с господами министрами, мне одно обстоятельство казалось очень странным:

Был, понимаете ли, среди прочих министров (тогда еще они были—„будущие министры“) нынешний министр труда Том Шоу,—держался он как-то особняком, мужчина хмурый и непьющий (остальные все очень даже пьющие были). Всех он своим угрюмым видом смущал. Кого я ни спрашивал про Тома Шоу:

— Что за человек?

Всегда один и тот же ответ,—благоговейным, многозначительным шепотком,—благоговение,—чуть ли не священный ужас:

— О! он—честный человек.

И так это все на него смотрели,—с благоговением, граничащим со страхом:
— О! он—честный человек.

И сторонились его, избегали его... Жутко, знаете, с честным человеком...

А за глаза, когда его не было, говорили с этакой, знаете, ноткой пренебрежения, даже презрения в голосе:

— А, он—честный человек,—безнадежно махнув рукой.

Мол, пропащая он голова, честный человек... Честный человек—известно, звезд с неба не хватает, пороху не выдумает.

И, действительно, никогда я не видел и не слышал, чтобы Том Шоу схватил какую-нибудь звезду с неба или выдумал порох. Впрочем, он, ведь, вождь Второго интернационала.

Так перепутались,—король и Второй интернационал,—что и не разберешь: где король, где интернационал.

Называется: рабочее правительство. А официальное название: правительство его величества. Когда будут Макдональду задавать ехидные вопросы в парламенте, он будет отвечать:

— Правительство его величества примет меры...

— Правительство его величества, к сожалению, лишено возможности принять меры...

Конечно, чаще всего будет эта последняя формула:

— К сожалению, лишено возможности...

Кстати, о переодеваниях. Конечно, пока парламентские каникулы и дел никаких—гг. министры шьют себе мундиры - с золотыми галунами, треуголки там всякие, портупеи—как полагается господам королевским министрам. В Англии на этот счёт строго: придворный этикет—и всякое там прочее. Но господа королевские министры—в то же время и господа социал-демократические министры. Мистер Макдональд, и мистер Том Шоу, и мистер Филипп Сноуден—социал-демократы, исполнительный комитет Второго интернационала. Вот, и получается: к королю ходить—мундир с золотым шитьем надевать, к рабочим ходить—обтрепанные брюки. Сплошное непрерывное переодевание. Так и будут метаться господа министры—от короля к с.-д., от с.-д. к королю, то мундир напяливай, то обтрепанный пиджачишко. Из одной прозодежды в другую. От одного этого переодевания может голова кругом пойти.

Одно, впрочем, есть господам министрам утешение:

— Все это не всерьез и не надолго.

Эх, милые, веселые славные ребята!

А. Меньшой

НОВЕЙШИЙ КУРС

Рис. В. Козлинского



— Что это ты сегодня больно ласковая? Вчера видеть не могла, аппаратчиком кляла, глаза чуть не выцарапала...
— И выцарапаю: кто старое помянет — тому глаз вон!

ПИСЬМО В АНГЛИЮ

„...Конечно, мой дорогой Чарльз, то, что случилось в нашей милой Англии есть несчастье.

И здесь, в холодной Москве, я особенно сильно это чувствую... Увы, Макдональд—глава английского правительства.

Бедный король, как, вероятно, он долго отмывал свои руки после двукратного визита этого рабочего вождя...

И все-таки я счастлив. Сейчас я только что вернулся из русского парламента. У этих варваров в обычное время в парламенте танцуют балерины и поют певцы и певицы. Ты представляешь себе этот ужас, этот сумасшедший дом? У них даже нет своего здания для парламента. Они состоят на содержании у артисток и артистов.

Я хохотал, как сумасшедший. Ни Твен, ни Джером-Джером не могли бы меня привести в более веселое расположение духа, чем это милое бабье (a litl woman) и непостижимое мужичье (clown)—всероссийские парламентарии.

Ты знаешь, в чем они проводят время в своем парламенте? Одни выходят на сцену и кроют свое правительство. Крыть (to be covered)—специфическое порламентское выражение. Одни кроют, а другие смеются и аплодируют.

А этот, Калинин—сморчек (morel).—Выходит один мужик и говорит

— Когда Калинин приезжал к нам в Балабинск, то он был просто: серый мужик. А потому урра, Калинин. Где логика? какая логика?

А эти бабы! Что они говорили, я не понял. Я видел лишь, как они махали руками, крутили головой, а все остальные покатывались с хохота. Атташэ одного из посольств перевел мне: они издевались над мужчинами.

— Эй, вы,—обратилась одна из них к парламенту,—умные головы, откуда вы произошли? От бабы. Стало быть, мы, бабы—народ передовой.

Где логика? какая логика?

Конечно, наша Англия переживает сейчас свой крестный, тернистый путь. Конечно, и у нас создано рабочее правительство.

Но нельзя сравнивать. У них серый мужик Калинин, у нас старый парламентарий Макдональд. Он—джентльмен. Да, джентльмен. У нас Клайнс, Сноуден, Гендерсон и другие имеют в прошлом отношение к рабочему станку, но ведь они же джентльмены. Джентльмены...

А здесь, в России. Не могу Смешно.....“

Чуж Чуженин

ЛЕНИН УМЕР—ЛЕНИНИЗМ ЖИВ

Рис. Ив. Малютина



Буржуа: **Мы больше никогда не увидим Ленина!**

II С'ЕЗД СОВЕТОВ

Они же: **Десять тысяч Лениных!**

ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЧИЧЕРИН

(К признанию С. С. С. Р).

Рис. Б. Антоновского

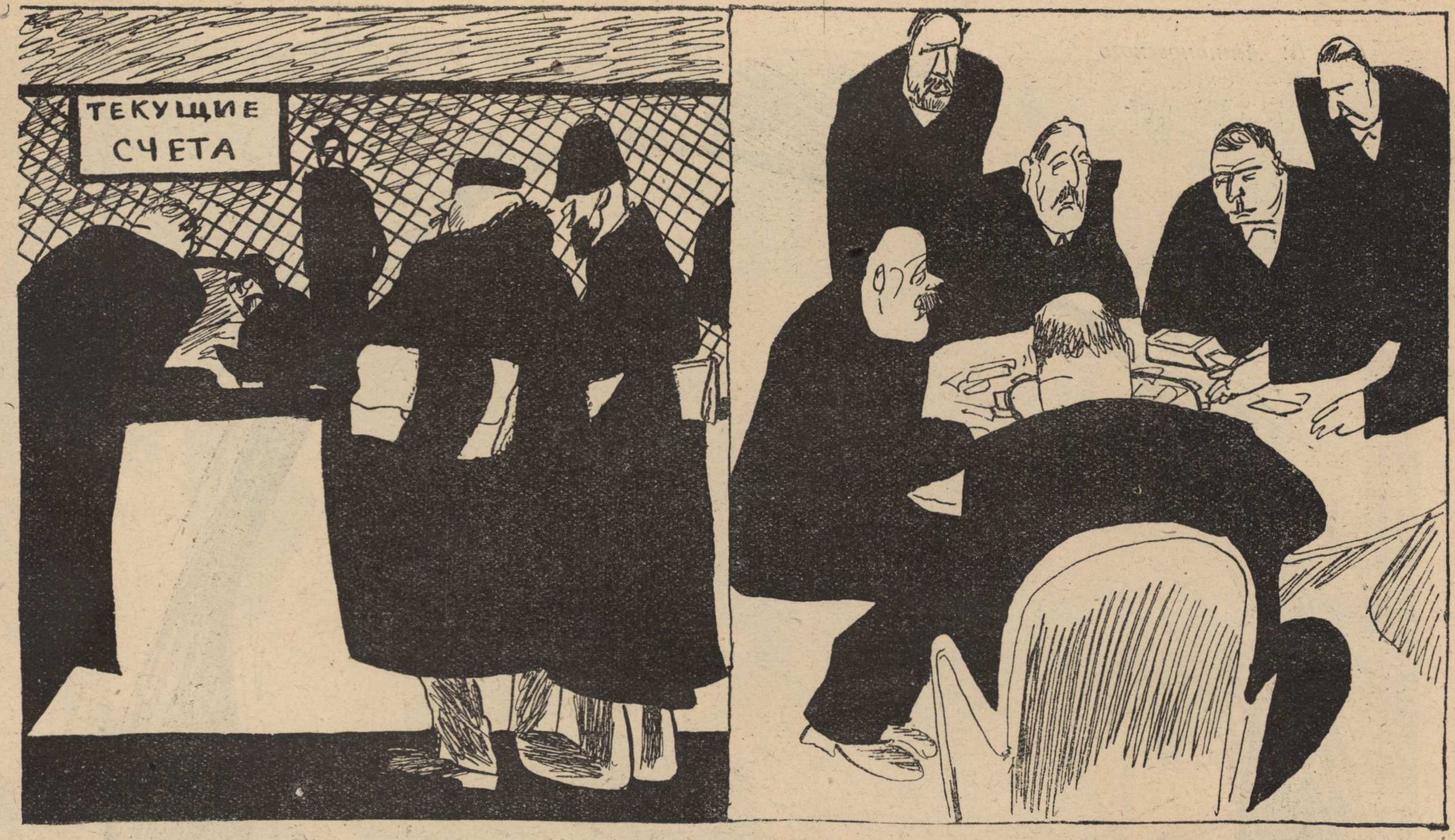


Улыбается. Имеет полное право улыбаться.

БАНКОВОЕ ДЕЛО

Рис. В. Козлинского

Банки принимают совзнаки по курсу следующего дня, а выдают—по курсу текущего.



Банковские операции, на которых много теряешь и мало выигрываешь.

Банковские операции, на которых выигрываешь много, или уж если теряешь, так все!

СОБАЧИИ НЮХ

Ну, товарищи, до чего наука дошла — уму непостижимо! Скажем,—собака. Простая, скажем, собака: четыре ноги, хвост, уши и прочее. А, ведь, эту собаку до того можно довести, что она любого преступника будет хватать за штаны и изобличать на месте.

Раньше я скептически относился к собачьей способности. А теперь нет, теперь боюсь и уважаю собак. Действительно, есть в собаке особый нюх. А впрочем, может-быть, тут что-нибудь иное. А так было.

У красного купца Еремея Бабкина сперли енотовую шубу. Взвыл, конечно, Еремей Бабкин—жалко ему, знаете ли, шубу.

— Мех, — говорит, — не так жалко, мех — ерундовый, а шуба дорога, как память. Денег не пожалею, а найду преступника.

Надел Еремей Бабкин калоши и звонит по городскому телефону,—приглашает частного агента прибыть с собакой-ищейкой по горячим следам.

Через пятнадцать минут—извольте—является этакий человек в кепочке, в обмотках, и при нем собака. Этакая собачища — нос вострый, морда сердитая, хвоста нету, и цвет противный.

Ткнул этот человек собачищу свою носом в следы возле двери, дал ей понюхать хозяйский костюм, сказал „пс" и отошел. Повела собачища глазом по толпе (народ собрался) и вдруг подходит к бабке Фекле из пятого номера и нюхает ей, извините, подол.

Бабка за толпу. Собака за юбку. Бабка в сторону, и собака в сторону. Ухватила бабку за юбку и держит.

Рухнула бабка на колени перед агентом.

— Да,—говорит,—попалась. И,—говорит,— пять ведер закваски, это верно, и самогонный аппарат... Все это действительно так и находится в винной. Ведите меня в милицию.

Ну, народ, конечно, ахнул.

— А шуба?—спрашивают.

— Про шубу,—говорит,—не знаю, а закваска—это действительно. Ведите меня. Казните.

Увели, конечно, бабку.

Снова взял агент собачищу свою, ткнул ее носом в дверь и в следы, сказал „пс" и отошел. Повела собачища глазом по толпе, нюхнула раз или два воздух и вдруг подходит к гражданину управдому товарищу Басову и нюхает его штаны.

Побелел управдом, упал на колени.

— Вяжите,—говорит,—меня, люди добрые, сознательные граждане! Растратил я деньги, это верно. За воду собрал и теи деньги на прихоти свои растранжирил. Про шубу ничего не знаю, а деньги—это верно. Бейте меня!

Ну, народ, конечно, навалился на управдома,—кто бьет, кто ноги вяжет. А собачища тем временем воздух понюхала, повела по толпе глазом и подходит к гражданину из первого номера. Подходит и нюхает его американские штиблеты.

Побелел гражданин, свалился перед народом.—Виноват,—говорит,—виноват! Я, говорит, и есть первый подлец и мазурик. Это верно. Я, говорит, действительно, подчистил год в трудовой книжке. Мне бы, говорит, прохвосту в армии служить и отечество грудью защищать, а я, говорит, как сукин кот живу в первом номере и пользуюсь электрической энергией. Ведите меня!

Растерялся народ.

— Что,—думает,—за собака? Кого не хватит, тот и преступник.

А купец Бабкин заморгал глазами глянул на собаку, вынул свои деньги и подает агенту.

— Уводи,—говорит,—уводи. Уводи говорит, свою собаку. Очень, говорит, страшная собака.

А собака уж тут. Мордой возле купца вертит. Купец от нее, она за ним. Купец в сторонку, и собака в сторонку. Ухватила купца за штанинку и держит.

Заблекотал купец, побелел.

— Да,—говорит,—это так. Бог правду видит, да не скоро скажет. А я, говорит, это действительно, вор и мошенник. Плачу и рыдаю. Шуба-то, говорит, не моя. Шубу-то, говорит, я у брата своего зажилил.

Бросился тут народ врассыпную. А собачище и воздух понюхать некогда.

Схватила она двоих или троих граждан из разных номеров и держит. Сознались граждане: один супругу утюгом побил, другой казенную сумму в карты пропер. Третий ничего не сказал,—помер от разрыва сердца.

Разом опустел двор. Остался агент да его собака. И вдруг подходит собака к агенту и хватает его за ногу.

Упал перед ней агент на колени.—Вяжите,— говорит,—меня. Отпущено, говорит, мне на ваш собачий харч тридцать рублей,—пятнадцать, говорит, я прикарманил! Кусайте меня!

Что было дальше — неизвестно. Я заперся в своей комнате. Меня собака за ногу не схватила. Не успела, что ли. А если б схватила? Упал бы я на колени перед толпой.

— Братцы, — сказал бы, — я и есть первый преступник: шубу хотя я и не трогал, но беру в журналах авансы, дважды печатаю один и тот же рассказ, и вообще. Бейте меня окаянного!

Мих. Зощенко

ИМЯ ИЛЬИЧА

Твердить буду снова и снова:
— Вот теперь же, сейчас
Товарищи, дайте слово
Имя беречь Ильича!

В минуты первой печали
Трудно это постичь.
Хочется, чтоб звучали
Всюду:—„Ленин!"—„Ильич!"

Сердцу мешать неловко,
И имя я сам бы дал:
Всем деревням—„Ильичевка",
И „Ленинск"—всем городам.

Но сердцу нужна преграда,
Строгий введем статут:
Ленина имя—награда
За подвиг, жертву и труд.

Таких знает мир не много.
Ужели вернемся вспять:
Конфеты „Толстой" и „Гоголь"
Теперь „Ильичем" будем звать?!

Я к резкой прибегнул форме, —
Не может теперь так быть.
Но пусть никто, даже в скорби,
Не смеет об этом забыть.

Твердить буду снова и снова:
— Вот теперь же, сейчас
Товарищ, дадим себе слово
Имя беречь Ильича!

Вас. Лебедев-Кумач

«ТЕМНЫЕ» и «ЧЕРНЫЕ»

Лет двадцать прожила старуха безвыходно в Москве. Выбралась, наконец, в родную деревню.

Собрались соседи. Раздули самовар. Пошли разговоры.

— Ну, а старшой сынок-то твой, что он теперь там, в Москве-то, делает?

— О-о, матушка, он у меня теперь в большом величии... По-старому сказать, генерал он прямо.

— А занимается-то чем?

— Ох и не спрашивай! Стоит он у меня, с утра до вечера, родимый, стоит.

— Да нет, деньги-то чем зарабатывает?

— Ну, да вот тем и зарабатывает, что с утра до вечера на Ильинке стоит... Ильинка,—это улица такая у нас...

— Да чего же он на улице стоит? Милостыню, что ли, собирает?..

— И-и, что ты, голубушка! Он и сам у нас теперь в енотах ходит...

— Так за что же платят-то ему?

— Вот за то и платят, что стоит...

— Чудно там у вас, ей-богу... И устрой ты там моего Мишутку: парень здоровый, месяц простоит, ногой не дрыгнет...

— Да нешто можно, мать моя! Стоять-то, ведь, тоже надо умеючи...

— Неужто все образованные стоят?

— Образования никакого там не требуется... Миколка-то мой только и кончил курсу, что в трахтере, когда мальчиком служил... А теперь вон, поди-ка...

— Значит, так и выходит, что стой себе и загребай деньгу за это самое?!

— Ну, не скажи, милая. Так-то и тумба стоит, а тут надо словеса произносить... Миколка-то стоит и кричит с утра до вечера: „даю", „беру".

— Да и мой тоже горластый...

— Не в горле тут дело, а чтобы знать, кому что крикнуть. А то загнешь как „даю" вместо „беру", и по миру пойдешь. Дело научное...

— Чего же это орет-то он?

— Орет потому, что всякому человеку заработать надо. Крикнет „даю",—значит, дает всем червонцы али облигации золотого займа, а хочешь сахарный заем—бери...

— Да, что же, он фальшивомонетчик у тебя, что ли,—откуда у него-то чтобы всем раздавать?..

— Да разве можно честному человеку фальшивомонетчиком быть! Дает всем потому, что и сам тут же у всех берет...

— Голова у вас кругом пойдет, право что! И сам дает, и сам берет,—не поймешь...

— Ну, да потому, что люди темные вы...

— Да, ведь, как же так? Ну, пойду я сейчас к Ивану Рябову, скажем, возьму у него червонец и отнесу к Василию Косому,—да мне-то прибыль от того какая?

— Вот и говорю, что темные вы люди. А ты сперва об'яви по всей деревне, что ты, вместо Аксиньи, „черной биржей" теперь называться будешь,—дело другое,—тогда тебе и Рябой заплатит, и Косой заплатит...

— Да за что же?

— Ну, это, матушка, не твоего ума дело. Вам, темным, и не понять, а которые черные на бирже,—те все это до тонкости превзошли..

Аксинья задумалась и, вздохнув, спросила:

— Неужто и в острог за это не сажают там у вас?

Очень хотелось москвичке сказать, что нет. Но не выдержала правдивое сердце.

Она вздохнула в свою очередь и тихо сказала:

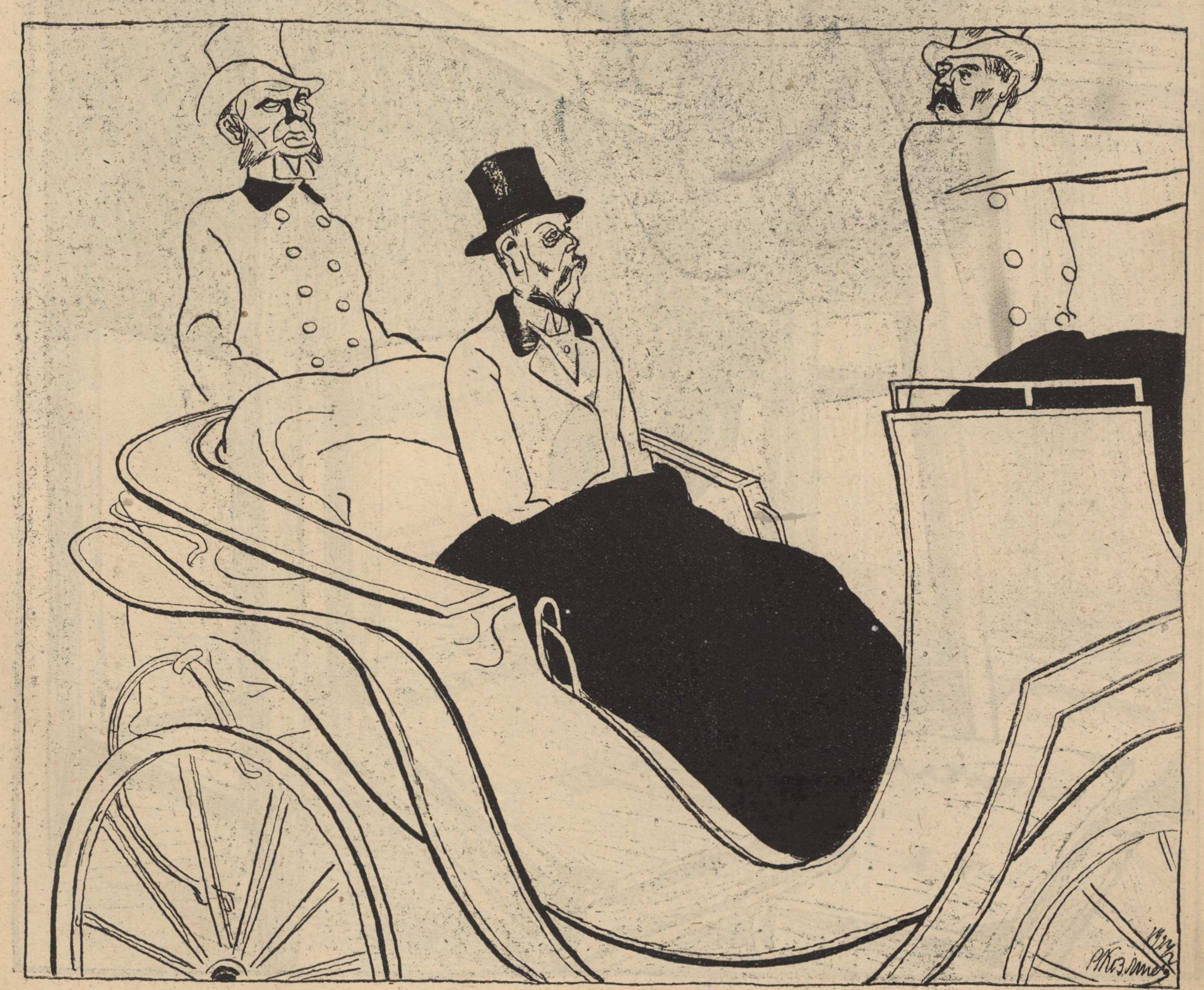
— Ох, матушка! В том и штука, что сажают...

Слушал, слушал старух мужицкий самовар и заглох в недоумении от этих московских новостей.

Петр Ашевский

НОВЫЙ КУЧЕР

Рис. В. Козлинского



— Вы уж, дорогой, осторожнее. Не переверните...

— Не извольте безпокоиться, ваше величество!.. Нам самим при перевороте—каюк...

ПРОЦЕНТЫ НА „КАПИТАЛ“

Рис. Б. Антоновского

Флуктуация—это прилив и отлив, вступление и выход из партии, передвижение членов (*Из речи т. Зиновьева о составе и задачах партии*)



— А ну, какое сальдо по Зиновьевскому балансу: коммунистов—380.000, кандидатов—100.000, комсомольцев—382.000, пионеров, юков, красных маков .. Вот так флуктуация!..

В ЛЕНИНГРАДЕ

Рис Б Антоновского



По добру, по здорову!..

О ЧЕРВЕНЦАХ

Керосиновая пятилинейная лампа накоптила. Все черно в избе. Дух стоит, тоже черный, закоптелый. Народу набилось великое множество, и не разберешь.

Только седой клок возратившегося делегата виднеется. Сидит-сипит-рассказывает.

— Мы—говорит—Пензенские. Мы—говорит—малограмотные, темные. Мы—говорит—этого стервенца-червенца догоняли,—догнать не могли...

— Правильно...—хохочет закопченая изба.

— Я говорит—за им, а ен от меня, я за им, а ен от меня...

— Мы за им, а ен от нас...—воет-хохочет-трясется изба...

— Я - говорит—баба-проходимец. А есть такие запечные, подпольные, безвыходные, которые не знают двери до волости. Как же им до стервенца-червенца дойти...

— Правильно. Она за им, а ен от ее...

Мигает пятилинейная лампочка, вздрагивает черным язычком от хохота, от мужицких бород, от бабьих паняв.

— Значит, будет теперичка облегчение,— слышен в углу твердый годок-голосок.

— Обнакновенно... Уж наши Калинычи постараются... Ведь, они его сами пока-что словить не могут...

— Калинычи за им, а ен от них...

Кочет изба. Вьется крутит метелица:

„Я за им“... „Я за им“...

НЕКОГДА

Поздно ночью фельетонист ехал домой на извозчике из типографии. Он только что сдал срочный свой фельетон и потом в кабачке выпил с приятелем. На улице чмокала липкая слякоть, но фельетонист улыбался: было тепло в желудке от выпитого вина, было приятно от сделанной срочной работы.

— Как я хлестко умею писать... и быстро. Любую тему разделаю под орех.

Хотелось шутить. Фельетонист ткнул извозчика в спину и улыбаясь спросил:

— Слушай, извозчик! А ты фельетонов не пишешь? (Ну-ка, что он ответит! Забавно!)

— Нет.

— А почему так?

— Некогда, барин. Делов много.

И до самого дома фельетонист больше вопросов не задавал.

Вас. Лебедев

ЖИЛПЛОЩАДЬ В МОСКВЕ

Рис. Ив. М.



Как она есть на самом деле.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

Комсомольцы, богу не помольцы,
Где же ваши боги?
Наши боги—к завтрему дороги,
Вот где наши боги.

Комсомольцы, богу не помольцы,
Где же ваши звоны?
Наши звоны—всех голодных стоны,
Вот где наши звоны.

Комсомольцы, богу не помольцы,
Где же ваши свечи?
Наши свечи—очи человечьи,
Вот где наши свечи.

Комсомольцы, богу не помольцы,
Где же ваш молебен?
Наш молебен — колбаса на хлебе,
Вот где наш молебен.

Комсомольцы, богу не помольцы,
Где у вас кадило?
Нам кадило в ноздри начадило,
Плюнули в кадило, тьфу!..

Комсомольцы, богу не помольцы,
Где же ваша троица?
Наша троица рудниками роется,
Вот где наша троица.

Комсомольцы, богу не помольцы,
Где же ваш спаситель?
Где спаситель? У гудков спросите.
Вот где наш спаситель.

С. Третьяков

СЕРЬЕЗНЫЕ ШУТКИ В. И. ЛЕНИНА

Отойдем да поглядим,—как мы хорошо сидим.

Десяток умников легче выловить, чем сотню дураков. Это великолепнейшая истина, за преподнесение которой вам всегда будет аплодировать сотня дураков.

Русская пословица говорит: не плюй в колодец, пригодится воды напиться.

Но есть люди, что не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплевано.

Принять в принципе на языке дипломатов означает отвергнуть на деле.

Фантазия есть качество величайшей ценности, но у тов. Ларина ее маленький избыток. Например, я бы сказал так: что если бы весь запас фантазии тов. Ларина разделить поровну на все число членов РКП, тогда бы получилось очень хорошо.

Книжки вы читали, господа хорошие, книжки вы писали,—в книжках вы ничего не поняли.

И я вам об'ясню, любезные, почему это несчастие с вами случилось: потому, что вы лозунги революции более заучиваете и запоминаете, чем продумываете.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

РЕКОРД

Златоустовская газета „Пролетарская Мысль“ слегка взволнована таким происшествием:

„В коммунальном доме по Кладбищенской улице № 70 живет гр. Завьялов. У него умер отец, труп которого лежит непохороненным уже 11 дней“.

Что? 11 дней только? Пустяки. Ерунда. Вот „Красный Север“ сообщает о таком рекорде.

„В дер. Нижнее, Вепренской вол., уже около 2-х месяцев лежит убитый гражд. Корнилов до вскрытия трупа врачем. Но последнего нет“.

Видали? И ничего — мужики не волнуются. Покойник он тихий, кушать не просит, — говорят мужики,—пущай лежит. И лежит, два месяца лежит. Это вам не какие-то жалкие 11 дней!.

ВЕТЕРИНАР И КОРОВА

Саратовская газета „Советская Деревня“ сообщает о замечательном фельдшере, обосновавшемся в селе Михайловке.

„Давно Михайловцы желали иметь у себя ветеринарный пункт, и вот осенью предложил им свои услуги вет. фельдшер Шалдыбин“.

Перевез Шалдыбин в Михайловку инструменты, лекарства, и принялся Шалдыбин за дело.

„На-днях у одного бедняка заболела корова. Привели фельдш. Шалдыбина, который, осмотрев, сказал: „У ней, мол, пошло молоко за шкурой, и что это не опасно“ (а корова два года как холостая). К вечеру корова околела от сибирской язвы“.

Эх, Шалдыбин,Шалдыбин.. Зачем же это! молоку за шкурой ходить?! Да еще у незамужней коровы!

Помимо всякой сибирской язвы, от одних ваших обидных слов околеть можно!..

ИЗ МИРА ЧУДЕС

По сообщению Царицынской газеты „Борьба“, —

„24-го декабря в Дояпасской провинции (в Японии) произошло землетрясение, в результате которого образовался провал на протяжении пятнадцати тысяч верст“.

В провал должно было бы уйти не меньше трети земного шара, а провалилась, всего на всего, миниатюрная вещица, именуемая „слабыми познаниями корреспондента в географии“. Очевидно, землетрясение тут не при чем.



ИЗОБРЕТАТЕЛЬНАЯ МИЛИЦИЯ

Нет больше преступников! Верный и замечательно простой способ розыска изобрела усольская милиция.

Описание находим в газете „Красный Октябрь“ (Сызрань):

„Недавно человек 20 слушателей техникума были вызваны в милицию. Приходят туда, совершенно не зная, в чем дело. Спрашивают.
— Подождите.
Ждут. Через час начинают их поодиночке вызывать в кабинет нач. милиции, где за столом сидит милиционер, а посреди кабинета стоит какая-то старушка.
— Этот? — спрашивает милиционер старушку.
— Нет, родимый, не этот.
— Можете итти, — вы свободны, — милостиво разрешает милиционер.
Такая же комедия повторилась со всеми остальными“.

В чем же дело? Оказывается, —

„у этой старушки нашли украденный платок, который, как она об'яснила, был куплен ею у человека выше среднего роста“ —

и остроумные искоренители зла придумали штуку: вызвали „на очную ставку“ со старушкой всех усольских слушателей техникума, наделенных ростом выше среднего. Просто, как палец!

А если б старушка показала, что продавец— — Имел голову, как прочие... А боле никаких признаков не упомнила...—

Весь бы уезд попал под подозрение.

Кроме усольской милиции, — не имеющей, повидимому, столь подозрительной приметы.

О ЧЕТВЕРОНОГИХ ИЗ СОЮЗА СОВРАБОТНИКОВ

В процессе сокращения штатов, как и во всем, возможны роковые ошибки.

Рассказывают „Известия Витебского Губисполкома“:

„При обследовании Оршанского уездного отделения союза совработников выяснилось, что один из месткомов постановил в заседании РКП, при разборе вопроса о сокращении штатов, сократить лошадь и продать ее с торгов“.

Вот видите! Энергичную испытанную работницу-лошадку взяли и сократили... А на кого же возложили исполнение ее обязанностей? Вероятно, — на одного из оставшихся в штате ослов...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Балаковская газета „Слово“ № 90, в почтовом ящике, пишет короткие и вразумительные ответы. Вот, например, ответ:

Старому охотнику. Заметка без подписи фамилии не печатается.
Сообщите ваше фамилие.

Конечно, можно и так сказать,—старый охотник стерпит. А можно и несколько иначе, например: „Заметка не печатается. Сообщите вашу фамель“.

И в том и другом случаях старый охотник фамилию свою не сообщит. Ручаемся.

ПО ВОЕННОМУ

Смотрю я на „Известия“, на „Правду“, на „Экономическую Жизнь“, на „Гудок“. Чрезвычайно штатские газеты! Наденьте на такие издания буденовку,—не идет! Кепка—головной убор для этих (извините!) штафирок.

Другое дело—„Петроградская Правда“ (теперь уже „Ленинградская“). Вот—боевая газета. Передовицу—хоть на ударные инструменты клади. Профессиональная жизнь—в темпе форсированного марша: левой...левой... левой... Верстка телеграмм—сомкнутым строем: ря-ды вздвой! А отчет о ходе подписки... Чорт побери! Человек я никак не милитаристический. Всего-то у меня военного стажа—десять лет уклонения от отбывания воинской повинности в царское время и шесть лет на учете, в качестве культработника—в советское. А прочел я отчет „Петроградской Правды“ о ходе подписки—и взыграло у меня сердце, как у старого боевого главковерха. Буденным себя почувствовал,—честное слово! Впрочем, судите сами:

Вот он лежит передо мной—№ 18 „Петроградской Правды“ от 22 января текущего года. Страница 6-я. „Оперативная сводка о ходе подписки...“ и т. д.

„Началась атака в ТРАМПАРКЕ КОНЯШИНА. Пока рост числа подписчиков увеличивается на 15%, на „Листок Рабкора“—на 15%“.

Понимаете? Началась атака. Движение цепью под прикрытием. Медленность и осторожность. Пядь за пядью. За шагом шаг.

„НА СКОРОХОДЕ сегодня начата разведка по всем цехам. В авангарде идет наш раб. кор. т. ЛАТИН и уполномоченный по культкомиссии. Подсчет пленных еще не сделан...“

Прямота—вот что характерно для военного. Штатский бы, может-быть, захотел приукрасить: „противник переходит на нашу сторону...“ Военный говорит прямо: „подсчет пленных еще не сделан“. Он берет своего подписчика мертвой хваткой и честно сознается в этом.

„На ТРЕУГОЛЬНИКЕ уже выработан план наступления, которое начнется завтра, 25 января. В первую очередь предстоит осада калошного отделения.“

Осада... Наведены жерла орудий. Перерезана коммуникационная линия. В лагере осажденных—голод и мор. И правильно! Подписывайся—или дохни!

„На КРАСНОМ ПУТИЛОВЦЕ отряд товарищей во главе с РОГОВЫМ и БОГДАНОВЫМ победил женотдел. Перешли на их сторону 80 новых подписчиц...“

„Победил женотдел“. Собственно говоря, побеждать женщин не велика заслуга. Но здесь, разумеется, не просто женщины, а амазонки, валькирии, Брунгильды какие-нибудь. Иначе, стала бы „Ленинградская Правда“ (тогда еще „Петроградская)“ хвастать победой над женским полом?

Сводка кончается словами: „Наступление продолжается“. И разгоряченное воображение подсказывает новые оперативные сводки, рисует предстоящие бои, предугадывает великие победы...

Стрельба пачками по подписчикам!

Бомбы сенсационных сообщений сброшены в самое сердце КРАСНОГО ПУТИЛОВЦА. Подписчики разорваны на части.

Фланговым обходом удалось напасть на завод БОЛЬШЕВИК с тыла. Захвачено врасплох 10.000 подписчиков.

Наши позиции удалось окутать дымовой завесой. Противник думает, что перед ним „Экономическая Жизнь“ и подписывается.

Мы медленной сапой подвигаемся к коммерческой части НОВТРЕСТТОРГА. Ничего не подозревающий подписчик не принимает никаких мер.

На противника выпущены удушливые газы приложений.

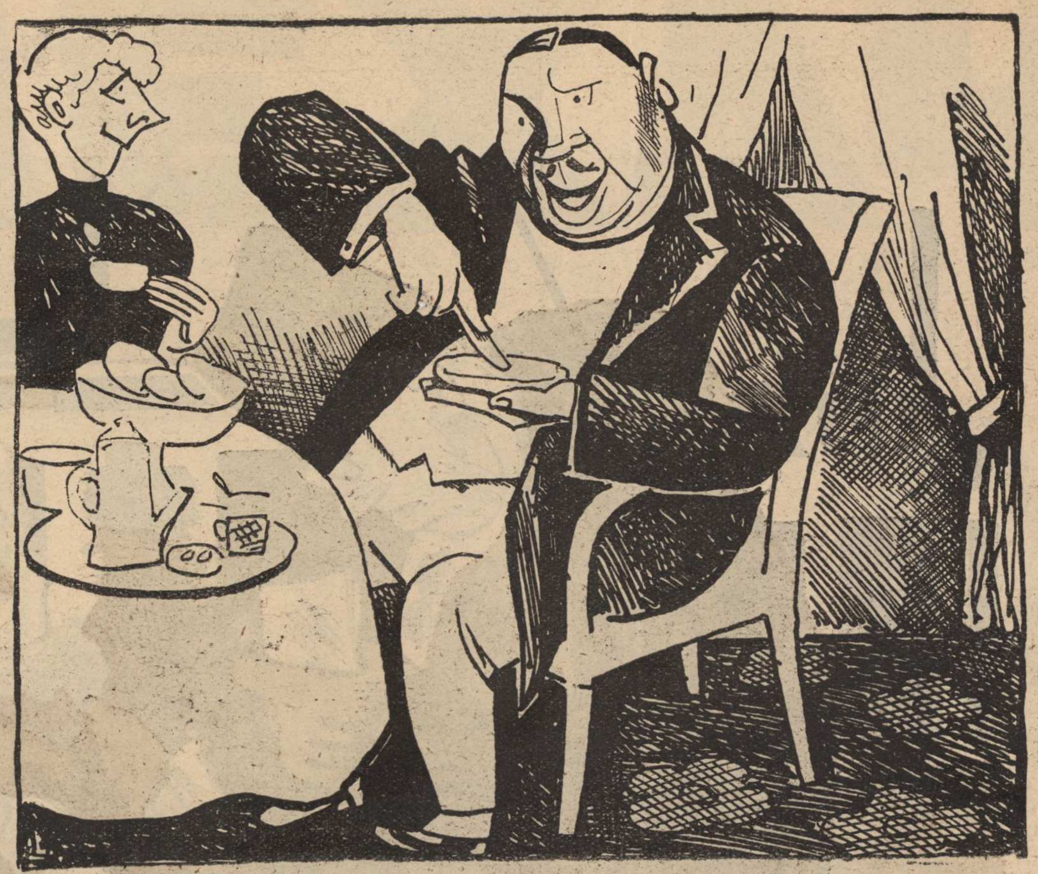
И так далее, и так далее, и так далее.

— О, поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями...

А. д'Актиль

В БУДУЩЕМ

Рис. А. Радакова



— Сколько вам лет?
— Не знаю.
— Ну, хоть приблизительно.
— Мать говорила, что когда родила—курс был четырнадцать с полтиной

Издательство газета „ГУДОК“. Ответственный редактор **А. С. Андрейчик**.



„Женщина с миллиардами“.

Главлит № 18899. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф“, Мыльников пер., 14. Тираж 25000 экз.